

Сладкие разборки

Автор:

Светлана Алешина

Сладкие разборки

Светлана Алешина

TV журналистка

«...Из задумчивости меня вывел страшный рев моторов нескольких легковых автомашин, стремительно приближавшихся к нам.

Прежде чем я успела удивиться, кто это среди бела дня так по-сумасшедшему гоняет по улицам, оглушительно закрипели колеса об асфальт, и послышался странный, резкий, трескучий звук, словно взорвалась целая пачка петард – удивительно, что я в первую очередь подумала тогда о петардах: ведь звуки выстрелов, пусть и одиночных, пистолетных, уже приходилось мне слышать в своей жизни.

И вдруг откуда-то сверху посыпались осколки стекла. И раздался страшный, душераздирающий вопль всеобщего ужаса. И где-то сзади меня завопил мужчина:

– Ложись! Все – ложись! На пол!...»

Светлана Алешина

Сладкие разборки

Глава 1

Подходя к телецентру, я глянула через решетчатые чугунные ворота на наш крохотный, но очень ухоженный дворик, вздохнула устало и покорно: он стоял.

Он – это мой новый поклонник, огромного роста детина, неуклюжий, грузный, сутулый, по-настоящему медвежья фигура; пятнистая, военного образца куртка сидит на нем складками, точно не по росту. Под стать фигуре лицо: пухлое, с широкими складками на щеках, маленьким курносом носом и огромным, лягушачьим ртом. На левой щеке огромная бородавка багрово-красного цвета, из которой, точно иглы у дикобраза, торчат в разные стороны короткие белесые волоски. Когда он говорит или улыбается, шевеля при этом своими огромными, точно у орангутанга, челюстями, бородавка эта движется и кажется, будто ползет у него по щеке огромное и мерзкое насекомое. Прибавьте к этому низкий, покатый лоб, кожа на котором собрана гармошкой, и вам станет понятно, почему при взгляде на моего нового поклонника вспоминаются мне иллюстрации из школьного учебника биологии, изображающие реконструированные по черепу лица неандертальцев.

Нет, я не против поклонников, когда отношения с ними остаются платоническими, как, скажем, с Костей Шиловым, нашим водителем. И тем более не против высоких мужчин – мой Володька тоже под два метра. Но когда у человека лицо неандертальца, а фигура белого медведя – нет, увольте!

Я так и не знаю, как его зовут и сколько ему лет, – по виду это никак не определишь. Знаю только, что работает он то ли в котельной, то ли в охране – мелкий обслуживающий персонал, одним словом, на который мы, творческие работники телевидения, обычно внимания не обращаем.

Вся история началась неделю назад, когда этот парень вдруг обнаружил, что влюблен в меня. И с тех пор изо дня в день, каждое утро повторяется одна и та же сцена. В девять часов он встречается меня у проходной, широкое мясистое лицо его расплывается в приторной улыбке, огромная бородавка, шевеля волосиками, ползет по щеке – меня мутит от одного ее вида, но я сдерживаюсь, делаю вид, что все нормально. Каждое утро, завидев меня, он произносит одни и те же фразы, слово в слово, своим сиплым, низким, но каким-то совершенно дебильным голосом:

– Здравствуйте, Ирина Анатольевна! Как ваше самочувствие? Как вам спалось? Как добрались? Все благополучно?

«Господи, какая пошлятина!» – не могу не подумать я.

А в это время Костя Шилов, наш водитель, мой давний и безнадежный поклонник, обязательно возится возле стоящей во дворе серой начальственной «Волги» и бросает в нашу сторону хмурые, недовольные взгляды. Однако я вынуждена с улыбкой кивать своему бородавчатому поклоннику, любезно благодарить за заботу, внимание и терпение, пока он проводит меня через крохотный дворик к входу в здание телецентра. А зачем, собственно, обижать человека? Быть может, он искренне, от души все это делает. Быть может, он как в песне у Андрея Миронова – «На лицо ужасные, добрые внутри». И, только закрыв за собой входную дверь старинного, в помпезном сталинском стиле здания телецентра, я вздыхаю облегченно: уф! На сегодня общение с поклонниками закончено.

В то утро я немного удивилась, обнаружив в нашем рабочем кабинете одну только Леру Казаринову, мою помощницу по подготовке программы «Женское счастье», старшим редактором которой сама являюсь. Лера сидела за столом, невозмутимо пережевывая урюк и запивая его теплой минеральной водой без газа.

– Ух, Ирина! – сказала Лера с набитым ртом, едва завидев меня на пороге кабинета. И тут же вскочила, сунула куда-то урюк и бутылку с минеральной водой. – Ирина, пошли к шефу! – сказала она, прожевывая остатки ягод. – Наши все уже там, ждут только тебя.

Я грустно вздохнула: день начинается явно не с самого приятного. От этого незапланированного совещания с раннего утра едва ли стоит ждать чего-то хорошего. Наверняка какая-нибудь срочная работа или срочное начальственное поручение – в девяти из десяти случаев это поручение оказывается крайне неприятным. И приветливый вид Евгения Васильевича, когда он поднялся мне навстречу, здороваясь, из-за своего рабочего стола, меня в моем предчувствии неприятностей не разубедил, а, скорее, наоборот. Если шеф с тобой приветлив, значит, ему что-то от тебя нужно, и, чем больше приветливы и вежливы с тобой, тем больше гадостей для тебя придумано. Так оно, собственно, и оказалось.

Едва мы с Лерой уселись за длинный стол заседаний в кабинете Евгения Васильевича Кошелева, зама главного редактора нашего областного ГТРК, нашего непосредственного начальника, – за этим столом уже сидели Галина Сергеевна, наш режиссер, и Павлик, наш оператор, – шеф принял серьезный, деловой вид.

– Значит, так! – сказал он. – Если не ошибаюсь, господа хорошие, сегодня вечером у нас прямой эфир. Верно?

– Верно, – подтвердила я за всех.

– И кто на этот прямой эфир приглашен, уже хорошо известно и обговорено. Не так ли?

– Конечно, – подтвердила я. – По плану у нас стоит Наталья Кудряшова – молодая актриса ТЮЗа. А что?

– А то, наша дорогая Ирочка! – Шеф широко, от уха до уха улыбнулся. – Я с Натальей Леонидовной уже говорил по телефону. От имени телевидения извинился, сказал, что, к сожалению, ей придется участвовать в нашей следующей программе через неделю – в следующую пятницу.

У меня челюсть так и отвисла: вот это да! Шеф вообще охамел, за меня с предполагаемыми участницами моей программы разговаривает, нагло отказывает им, – словом, распоряжается как хочет, не спросив даже ради приличия моего согласия. Впрочем, вслух я этого говорить не стала, а Кошелев, словно не замечая моего разочарованного вида, бодро продолжал:

– А сегодня – имейте в виду, Ирина Анатольевна, это моя личная к вам просьба! – в вашей программе будет совершенно другая героиня.

Я беспомощно огляделась, словно ища поддержки. Хотелось крикнуть: «Да что же это делается, господа, грабеж среди бела дня!» Я просматриваю подшивки газет, расспрашиваю моих знакомых, бегаю по городу, выискиваю людей, достойных участия в нашей программе, а этот, с позволения сказать, шеф одним махом всю мою работу перечеркивает, найденным мною людям отказывает, каких-то своих мне навязывает, ставя таким образом меня в идиотское положение перед теми, которым я уже твердо обещала участие в программе.

Впрочем, у всех трех моих помощников вид был устало-покорный: они явно были уже в курсе и смирились, потому что знали, как, впрочем, и я сама, что, если наш шеф вбил себе что-то в голову, возмущаться и спорить было совершенно бесполезно.

– Ирочка, вы только не смотрите на меня как на душителя свободы слова! – продолжал Кошелев невозмутимо. – Вы же еще не знаете, какую героиню я нашел для вашей программы. Женщина-предприниматель, исключительно своим трудом, своей энергией пробившаяся в наше смутное время, создала свое дело, теперь, между прочим, процветающее, занимается благотворительностью, помогает бедным, обездоленным...

С каждым словом физиономия шефа все более расплывалась в бодро-оптимистической ухмылке, а у меня на душе мрачнело, становилось бесконечно тоскливо и безрадостно. Наконец ему, видимо, надоел тон победных реляций, и он вдруг резко сменил тон, заговорил сухо, по-начальнически:

– Значит, так, Ирина Анатольевна! Должна же существовать и дисциплина, в конце концов! Телевидение существует вовсе не для вашего удовольствия.

– Да, да, Евгений Васильевич! – согласилась я грустно. – Конечно, я все понимаю.

– Вот и отлично! – Шеф удовлетворенно кивнул. – Зовут героиню вашей сегодняшней программы, – тут он глянул в какие-то свои записи, – Наташа Горелова. Бизнес ее где-то в сфере производства продуктов питания, я точно не знаю, вы ее сами расспросите. Я ей уже звонил, договорился об участии в программе, предупредил о том, что вы к ней сейчас приедете...

– Я? Приеду? Сейчас?

– Приедете! – заявил шеф безапелляционно. – Прямо сейчас туда и направитесь. Вот ее адрес.

Шеф подал мне листочек бумаги, и я уныло уставилась на совершенно незнакомое мне название улицы. – Улица Городская! – воскликнула я удрученно. – Ну и где это?

- Говорят, где-то на СХИ. - Шеф пожал плечами. - Точно не знаю...

Еще лучше! СХИ - собственно, сельскохозяйственный институт - это же почти окраина города.

- А Костя Шилов, по крайней мере, отвезет меня туда?

Мне показалось, я имела право на эту маленькую поблажку, но шеф думал иначе.

- У Шилова командировка в район, в совхоз «Маяк», - проговорил он строго. - Повезет группу снимать репортаж про наших доблестных полеводов.

- А как же я?

- А вы, Ирочка, - шеф снова широко улыбнулся, - сейчас пройдет двести метров до Ильинской площади, сядете там на маршрутку, шустрю такую, проворную «Газель» с очень счастливым номером тринадцать, - шеф самодовольно рассмеялся, и я вежливо скривила губы, - покажете шоферу вот эту карточку с адресом, и он доставит вас к самым воротам нужного дома. Мне сказали, он у самой дороги. - Шеф вдруг посмотрел на меня так серьезно, что по спине побежали мурашки. - И еще, у меня к вам огромная личная просьба. С Наташей быть вежливой, внимательной и, если она вдруг начнет отказываться от участия в вашей программе - и такое может случиться! - пожалуйста, не сочтите за труд, уговорите ее. Она должна быть в сегодняшнем эфире! - отчеканил Кошелев. - Это мое категорическое требование, как начальника к подчиненному. Вам все понятно?

Мне было понятно все. Не первый год на телевидении работаю, насмотрелась всякого. И не впервой какие-нибудь солидные люди города изъявляют желание устроить на телеэкране свою протезе... Хоть и мерзко это, а делать приходится - все же мы люди. И что эта протезе, похоже, с претензиями и участвовать в эфире ее, похоже, придется уламывать - что ж, тем неприятнее вся эта история для меня, только и всего...

* * *

Маршрутка остановилась у ворот солидного особняка, контрастно высившегося среди окружавших его крохотных, в три окошка, деревянных домиков. За высоким забором из серой гофрированной стали виднелись два строения: одно (с претензией на непонятную архитектуру – сплошная эклектика!) своими узорчатыми украшениями, стрельчатыми окнами, башенками и шпилями на крыше было похоже на дворец, являясь скорее всего жилым домом; второе – простой куб из белого кирпича без оконных проемов, наверное, производственный цех. У меня было достаточно времени рассмотреть все это, пока, позвонив в электрический звонок калитки, изготовленной из такой же серой гофрированной стали, я ждала, когда мне откроют.

Наконец за забором хлопнула дверь, по бетонной дорожке застучали каблуки, с грохотом отодвинулся стальной засов калитки, и вот уже хозяйка особняка приветливо улыбается мне, приглашая войти.

Говоря по правде, совсем не такой представляла я себе протезе неведомого солидного человека нашего города. По моим понятиям, это должна была быть перезревшая красавица, всем своим видом заявляющая об уходящей бурно проведенной молодости, непременно ярко накрашенная, непременно блондинка, волосы убраны в какую-нибудь фантастическую, но безвкусную прическу – что-то в этом роде. Что ж, Наташа Горелова и впрямь оказалась блондинкой. Нежно-золотистые, мягко вьющиеся волосы обрамляли правильный овал ее лица. Столь же правильные и гармоничные черты, добрая улыбка, спокойно, светло глядящие глаза. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, но появившиеся раньше времени морщины возле глаз и на скулах свидетельствовали о перенесенных печалях и заботах. Однако от всего ее облика исходила такая удивительная мягкость и сердечность, что я не могла не почувствовать к ней сразу же, с первого взгляда, огромной симпатии.

– Здравствуйте! – сказала Наташа. Нежный, ласковый голос гармонировал со всем ее обликом. – Я столько раз видела вас по телевизору и, знаете, рада, что в жизни вы такая же красивая, как на телеэкране!

Хотя комплиментами меня удивить трудно, я вдруг почувствовала себя очень польщенной этой нехитрой искренностью.

Наташа Горелова повела меня в дом.

Во дворе поражали удивительные чистота и порядок. Бетонная дорожка вела от калитки к двери дома, по обеим сторонам ее уже зеленел в эту раннюю, холодную весеннюю пору – стоял конец марта – газон. На посыпанном щебнем накате у ворот замерла фарами к дому зеленая «Газель»-полуфургон. Честно говоря, за воротами такого особняка ожидалось увидеть совсем другую машину, покруче, минимум иномарку.

– Это наша кормилица, – сказала Наташа, кивая на автомобиль. – Нам приходится очень много по районам ездить, закупать продукты для производства. Самый лучший жирный творог, масло, сливки, кое-какие наполнители. Без этой машины нам как без рук!

– А что вы, собственно, производите? – поинтересовалась я.

– Сейчас мы это вам покажем! – улыбнулась Наташа. – Прошу в дом!

Пройдя через прихожую, где, как и во дворе, чистота и порядок были образцовые, я оказалась в большой, просторной комнате, наверное служившей в этом доме гостиной. Весь облик ее, мягкая удобная мебель, диваны у стен, стулья, большой обеденный стол посередине, накрытый явно к чаю, наверное к моему приходу, занавески на окнах, обои, линолеум – все свидетельствовало не только о достатке, но и об определенном художественном вкусе хозяев, и одновременно об их скромности, нежелании излишне кичиться своими деньгами.

Едва я вошла, из-за стола поднялся и шагнул мне навстречу молодой, лет тридцати пяти, мужчина, среднего роста, худощавый и стройный, с черными прямыми волосами, аккуратно зачесанными на сторону, с несколько резкими чертами лица, крупным прямым носом, острым выступающим вперед подбородком. Лицо озаряла добрая, чуть смущенная улыбка.

– Вот, знакомьтесь! – сказала Наташа. – Мой муж Игорь.

Муж? У протеже солидного человека нашего города есть муж? Я изумилась третий раз за какие-то считанные минуты. Или на своем двадцать восьмом году я перестала вообще смыслить в жизни, или вся эта история с протеже была чистым бредом моей буйной головушки. Бредом, однако, основанным на странном и теперь казавшемся мне совершенно непонятным поведении шефа Кошелева, непременно желавшего видеть Наташу Горелову в нашей

сегодняшней программе. Ну что ж, пути начальства, как говорится, неисповедимы, и иногда лучше вообще не думать о них, если не хочешь впасть в меланхолию.

– Присаживайтесь, – сказал Игорь, придвигая мне стул, – сейчас чай пить будем.

Мы сели за накрытый стол, где, кроме исходящего паром фарфорового чайника с заваркой и чашками, стояли блюда со всевозможными сладостями.

– Вы сколько сахара предпочитаете? – спросила Наташа, наливая мне густой чай с каким-то необычным, приятным ароматом. – Я советую класть не очень много, потому что все это, – она кивнула на блюда, – тоже очень сладкое.

Вообще-то я не любительница конфет, да и форму держать нужно: полные люди на телевидении выглядят отвратительно. Но разложенное на столе и налитый в чашки чай выглядели так аппетитно, что я махнула рукой. Бог с ней, с формой, один раз можно!

– Чай настоян на смородиновом и мятном листе, – пояснила Наташа. – А вот это, – она пододвинула ко мне блюдо, – то, что мы производим!

На блюде горкой высились – наконец-то я догадалась, что это такое, – творожные сырки в шоколадной глазури.

– Вы это производите? – Я снова удивилась. – Но ведь я это иногда покупаю, и там на этикетке, отлично помню, какой-то московский адрес...

– Точнее, Московской области, – пояснила Наташа. – Но это юридический адрес. Оттуда нам только этикетки присылают. А все ингредиенты – очень качественный жирный творог, масло, сливки, сахар, наполнители, кокосовую стружку, например, – мы сами здесь приобретаем. Здесь же у нас и цех, где стоит станок, здесь же и холодильные камеры. Это та пристройка, что без окон, – видели, наверное...

Разумеется, я видела.

– Понимаете, – сказал Игорь, усмехаясь, – эти сырки хранятся при двух-четырех градусах тепла, перевозить их можно только в рефрижераторах. Если их из Подмосковья сюда доставлять, они позолоченные окажутся.

– Да вы угощайтесь, не стесняйтесь, – сказала Наташа, пододвигая мне блюдо. – И чай пейте.

Я последовала ее совету.

Пока я, мысленно наплевав на фигуру, диету, телевидение, свой внешний вид и все такое прочее, уплетала сырок за сырком, запивая их травяным чаем, на вкус еще более приятным, чем на вид, Наташа рассказывала мне свою историю:

– Бизнесом мы занялись лет пять назад. Тогда наш механический завод, где мы работали, окончательно обанкротился, и нас уволили по сокращению штатов. Куда мы только не обращались, где только не искали способа себе на жизнь заработать... Игорь тогда по многим объявлениям ходил, многое пытался освоить, но без особого успеха. И на это объявление по производству сырков мы случайно наткнулись. Ни он, ни я особенно не верили, что из этого выйдет что-то путное. Тем не менее он поехал в Москву, нашел там представительство. Надо сказать, там к нам очень хорошо отнеслись, бесплатно дали рецепты, поручились за нас в банке, чтобы нам кредит выдали закупить оборудование, снять помещение...

Сначала мы устроились в старом овощном магазине, выскоблили его, вымыли, вычистили, все своими руками. Это потом уже на его месте вот этот особняк и цех выстроили. А тогда ничего своего у нас не было, даже квартиры: прямо там, в этом цеху, мы и жили... Чиновники трепали нам нервы страшно: каких только комиссий к нам не приходило. Налоговая инспекция, электросеть, водоканал, пожарная инспекция, санэпидстанция – и всех ублажай, и всем плати! Очень трудно поначалу пришлось. Спали по три-четыре часа, не больше. То Игорь, то я ездили по районам, искали самые лучшие продукты, чтобы сырок качественный был, а потом прямо из-за руля – или в цех, или шли подрабатывать где-нибудь по мелочи, чтобы оборотных средств побольше было. И как потом ни с того ни с сего санэпидстанция решила нас закрыть, сказали: не соответствуем санитарным нормам... Мы даже судились с ней, с санэпидстанцией... И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Сергей Маркович не помог.

- Это адвокат наш, Сергей Маркович Пацевич, - пояснил Игорь. - Он выиграл процесс и гонорар согласился ждать, пока мы ему сможем его выплатить. Если бы не он, мы прогорели бы.

- Да, - подтвердила Наташа, - весь этот дом, вся эта роскошь - это буквально за последние полтора года появилось. А до этого было очень тяжело.

Я с сожалением заглянула в опустевшее блюдо, где когда-то лежали сырки. Теперь они лежали внутри меня, и мне было от этого хорошо.

- Скажите, а вы только сырки делаете? - поинтересовалась я, внимательно оглядывая стол. - Какие-нибудь торты, пирожные, конфеты - нет?

- Для всего этого другое оборудование нужно, - ответила Наташа, - и другие ингредиенты - мука, например.

- Да и зачем нам другое, - заметил Игорь. - Производство сырков вполне обеспечивает наши потребности, даже с лихвой.

Я кивнула, оглядев их шикарную гостиную.

- Послушайте, - сказала я, - я сейчас вспомнила: ведь эти сырки чуть ли не на каждом углу продаются. Это что, все ваша продукция?

Игорь усмехнулся.

- Нет, не вся наша, - сказал он. - В нашем городе, кроме нас, производит сырки еще один...

- Конкурент? - спросила я.

- Ну, можно сказать и так. - Игорь вновь усмехнулся. - Не примите за бахвальство, пожалуйста, ей-богу: Диме Сучкову пришлось куда легче, чем нам в свое время...

- Дима Сучков? - переспросила я удивленно. - Вашего конкурента зовут Дима Сучков?

– Ну да. – Наташа посмотрела на меня удивленно. – А что?

Признаться, я и сама не знала, что. Просто это имя, сам звук его кольнул меня куда-то в самое сердце. Будто оно уже звучало когда-то в моей жизни, совсем недолго, будто бы вторглось оно туда внезапно, грубо, резко, оставив рану – нет, так, небольшую царапину, которая, как видно, успела уже зажить: теперь я уже решительно не помнила, кто такой Дима Сучков и что у меня с ним были за отношения. Впрочем, решила я, еще не факт, что это тот самый Сучков. Фамилия эта далеко не редкая, и возможно, что это просто совпадение.

– А почему это Сучков в более выгодном положении, чем вы? – поинтересовалась я.

– Понимаете, – сказала Наташа, – у него есть богатый родственник, готовый постоянно помогать Диме деньгами... Нам-то все самим пришлось добывать... А он цех взял в аренду на кондитерской фабрике, у него, кстати сказать, и станок мощнее нашего, и кое-какие наемные рабочие имеются. Продукции получается процентов на двадцать больше, чем у нас с Игорем...

– Только Дима нашей скрупулезностью не отличается! – усмехнулся Игорь. – Творог он закупает оптом, в Крытом рынке. А он там сами знаете какой.

Я знала. Дня три тому назад я попробовала испечь из этого творога торт, и дрянь, что получилась, отказалась есть даже бродячая кошка.

– Я к нему зашел недавно в цех, – продолжал Игорь, – смотрю: окно на улицу открыто, воздух оттуда в цех задувает, пыль, мелкий сор – все летит внутрь. А прямо под окном – чан с творогом. Ну, я не стал ему ничего говорить...

Пыль? Мелкий сор? К горлу у меня стала подступать тошнота, вспомнились вдруг омерзительные истории о крысах, бегающих по колбасным цехам, о тараканах в хлебопекарнях.

– Боже мой, Игорь! – воскликнула Наташа. – Нашел что человеку рассказывать. Смотри, Игорь, Ирина Анатольевна даже побледнела. Вы не беспокойтесь, – сказала она мне, – у нас ничего подобного не бывает. Пойдемте, кстати, посмотрим наш цех.

По стерильно чистому, точно в хорошей больнице, коридору мы прошли в то самое кубическое, без окон здание, пристроенное к жилому дому, которое я видела, рассматривая особняк снаружи. Мы все трое надели белые халаты, тапочки, а на голову колпаки и стали совсем похожи на персонал больницы. В цеху было холодно, и я непременно начала бы дрожать, если бы не только что выпитый горячий чай и съеденные сырки. Открыв тяжелую стальную дверь, меня пригласили войти в святая святых – в то место, где стоял станок, делались сырки.

Прежде я думала, что так могут сверкать только хирургические операционные. Стены были выложены белоснежным кафелем, потолок и пол выкрашены белой водонепроницаемой краской, посреди огромной комнаты блестел хромированными деталями станок. Ничего не понимая в технике, я различала их, лишь догадываясь об их назначении: круглую бочку смесителя, ленту транспортера, какие-то трубочки, воронки. Рядом со станком стояли во множестве тазы, ведра, чаны с ингредиентами. Все это сверкало чистотой и аккуратностью. В противоположном от входной двери углу находился стол готовой продукции, черно-коричневые, уже в шоколадной глазури, сырки стопками лежали там на блестящих эмалированных подносах. А рядом – другие сырки, уже запечатанные в пеструю блестящую обертку. Листы этой обертки хранились в картонной коробке рядом со столом, а в углу стоял упаковочный станок. Как видно, все процессы были механизированы.

– Вот это наш цех, – сказал Игорь с гордостью, казалось, довольный произведенным на меня впечатлением. – Как видите, у нас везде чистота и порядок, потому что, сами понимаете, они в деле производства продуктов питания – залог здоровья покупателя. Малейшая грязь в кондитерском цехе, малейшее нареkanie со стороны клиентов, заболит живот у покупателя – и прощай репутация. Замучают комиссиями, проверками – и прогореть недолго.

– Они у них и так болят, животы-то, – улыбнулась Наташа. – Люди то и дело ими объедаются, нашими сырками. И тогда в первую очередь на нас жалобы: некачественный продукт. Однако я без ложной скромности скажу: вид нашего цеха на любую комиссию производит впечатление. Сколько их к нам сюда ходило, ни одна замечаний не сделала, писали в заключении: производство соответствует санитарным нормам.

– Ну да! – согласилась я. – Есть надо меньше, и живот болеть не будет.

Я глянула на часы и ахнула: уже третий час. Как быстро летит время в гостях у хороших людей!

– Значит, так, Наташа, – сказала я, переходя на деловой тон, – слушайте меня внимательно! Относительно участия в нашей сегодняшней программе вы предупреждены, и, как я понимаю, возражений нет. Верно?

Наташа смущенно улыбнулась и кивнула в ответ.

– Тогда так, – продолжала я, – то, что вы рассказали мне сейчас, очень важно. Скорее всего вам придется все это повторить перед камерами. Так что будьте готовы. Далее: вот список вопросов. – Я вытащила его из своей сумочки и подала Наташе. – Не хочу никого обижать, но мышление наших телезрителей достаточно стереотипно, и вопросы они задают примерно одни и те же. Вот их список. Просмотрите их, продумайте ответы, даже постарайтесь проговорить их вслух – вообразите, что вы уже на передаче. Знаете, потом, перед камерой, от этого чувствуешь себя легче и уверенней. Не придется подыскивать нужные слова. Поверьте мне: это старое правило каждого телеведущего.

Наташа углубилась было в чтение вопросов, но я остановила ее, осторожно тронув за руку:

– Еще одну минуту внимания. Эфир у нас в половине седьмого, но я вас жду в телецентре ровно в пять часов. Это понятно? Пожалуйста, не перепутайте время. Мы в студии с вами еще немного побеседуем, обсудим эти вопросы. Платье наденьте самое яркое, какое лучше всего смотрится. А вот с лицом ничего не делайте – для телевидения нужен совсем особый макияж, самой вам такого не сделать. У нас великолепный визажист, Елена Викторовна, она вас сделает еще красивее. Все запомнили? Ну вот и отлично, а мне пора бежать. Встречаемся в пять на телецентре, не забудьте!

И я поспешила к выходу.

* * *

Я выскочила на улицу, и калитка гостеприимного особняка с грохотом захлопнулась за моей спиной. В этот момент маршрутка со счастливым номером

тринадцать как раз отъезжала от остановки, и мне ничего не оставалось, как помахать ей вслед. Я грустно вздохнула: вечно мне не везет с этим транспортом! Какая-то серебристо-серая «девятка», скрипя колесами об асфальт, сорвалась с места и промчалась куда-то у меня перед носом. Я пожалала плечами, глядя ей вслед: вот, делать людям нечего, гоняют как полоумные...

Я вздохнула: эти маршрутки ходят крайне редко, следующую надо ждать минут двадцать. А тут, я знала, недалеко ходит трамвай в центр города. Поэтому, посетовав на судьбу, я покорно потащила пешком к трамвайной остановке по неширокой тихой улочке без тротуара, зажатой между крохотными деревянными домиками с такими же крохотными участками-садиками вокруг них.

«Ну что ж, прогуляемся!» – решила я. Надо же хотя бы изредка вспоминать, например, что теперь весна на дворе, холодный и ветреный март месяц подходит к концу. День сегодня хоть и солнечный, но холодный, ветер налетает порывами, пронизывая насквозь. Низко над головой висят белые, точно из снега, облака, солнце то и дело скрывается за них. Но когда ветер стихает и солнышко, выглянув из-за облака, пригревает, ощущение весны полное. Под влиянием света и тепла пробуждается природа, мой нечуткий нос городского жителя и тот ощущает своеобразный, терпкий запах – внутри могучих стволов деревьев началось сокоддвижение. И это так блаженно приятно – среди забот и нерешенных проблем текущей жизни вдруг найти островок тихой солнечной природы и ощутить, что, несмотря ни на что, на дворе весна.

От моих лирических размышлений меня отвлек шум приближающейся сзади машины. Мне посигналили, и, обернувшись, я увидела зеленую «Газель»-полуфургон и Игоря Горелова за рулем. Я махнула ему рукой, увидела, как он улыбнулся мне в ответ, но «Газель» быстро, не останавливаясь, промчалась мимо меня, обдав холодным, вперемежку с пылью и выхлопными газами воздухом.

Вот, подумала я, уже помчался куда-то по своим делам. Мог бы, между прочим, и остановиться и подбросить меня до трамвая. А, ну да бог с ним! Дойду и сама пешком, тут недалеко. Лишние десять минут на свежем воздухе никому не навредят. Тем более что на дворе весна, а весной – неважно, сколько тебе лет, – подступает к груди странное, непонятное чувство, нападает необычное, одновременно радостное и тоскливо-печальное настроение. Хочется послать куда-нибудь подальше все свои дела, выкинуть из головы заботы, проблемы,

бесцельно бродить по залитым солнечным светом улицам и прислушиваться к рождающимся, точно всплывающим из подсознания неясным мыслям и образам, желаниям и стремлениям, часто совершенно невероятным и фантастическим.

Весной вдруг начинает казаться, что все твои будничные дела – чепуха и бред, никому не нужное пустое времяпрепровождение. Возникает непонятная, неясная тоска по чему-то несбываемому, но необыкновенно прекрасному, чего никогда не случится в твоей серой, тусклой, обыденной жизни. Хочется вдруг великой, всепоглощающей страсти, и становится грустно оттого, что знаешь: ничего такого никогда с тобой не произойдет. Или какой-нибудь страшной и опасной, но невероятно прекрасной авантюры... И с тоской вздыхаешь, потому что знаешь, что приключения и авантюры перешли теперь в виртуальный мир фильмов и романов, создаются фантазией их авторов, а в реальной жизни ничего подобного не имеет места. Все это весна, конечно, я знаю. Весна на всех людей действует подобным образом. И странные мысли в голову лезут, и чудные желания возникают. Ну и что теперь делать, если это весна? Ехать срочно в Австралию, где сейчас как раз осень, и все подобные мысли забыть до сентября месяца?

О весне я думала и сев в полупустой трамвай, который не спеша, но с невероятным грохотом катился по пыльным городским улицам. Держась за поручень, я изредка осторожно косилась по сторонам, замечая устремленные на меня взгляды мужчин. Вот это тоже весна – когда вторая половина на тебя так заглядывается...

Из задумчивости меня вывел страшный рев моторов нескольких легковых автомашин, стремительно приближавшихся к нам.

Прежде чем я успела удивиться, кто это среди бела дня так по-сумасшедшему гоняет по улицам, оглушительно закрипели колеса об асфальт, и послышался странный, резкий, трескучий звук, словно взорвалась целая пачка петард – удивительно, что я в первую очередь подумала тогда о петардах: ведь звуки выстрелов, пусть и одиночных, пистолетных, уже приходилось мне слышать в своей жизни.

И вдруг откуда-то сверху посыпались осколки стекла. И раздался страшный, душераздирающий вопль всеобщего ужаса. И где-то сзади меня завопил мужчина:

– Ложись! Все – ложись! На пол!

Трамвай рывком остановился, и мы все рухнули прямо на усыпанный битым стеклом пол. Как я не поранилась тогда, при падении, ума не приложу. Какой-то мужчина навалился на меня сверху. В ужасе я попыталась выбраться из-под него, но он отчаянно хрипел:

– Лежите! Не вставайте! Иначе убьют! Это разборка...

И, оглянувшись, я увидела бледное усатое лицо с широко открытыми от ужаса глазами. А треск автоматных очередей снаружи продолжался, и осколки стекла сыпались на пол. Потом раздался страшный, будто пушечный выстрел, удар прикладом в жестяной борт трамвая снаружи. И нечеловеческой силы голос потребовал:

– А ну, двери открывай!

Двери тут же поехали в стороны. Машинально подняв голову, я увидела кричавшего. Высокий, под два метра детина, в зеленой, пятнистой, военного образца куртке, на голове черный женский чулок с прорезями для глаз и рта. Он стоял с автоматом в руках и смотрел прямо на меня. А мимо него по серому, пыльному, усеянному битым стеклом и автоматными гильзами асфальту медленно, торжественно, как на параде, двигался огромный черный автомобиль. Это была явно какая-то иномарка из самых крутейших, на каких ездят самые солидные люди в нашем городе. Вот показался передний капот, вот место водителя. За рулем сидел детина с таким же, как у стоящего на дороге, чулком на голове. Вот показалось заднее сиденье, и сердце мое замерло, а потом застучало часто-часто, как у загнанного, пойманного в ловушку зверя. Потому что на заднем сиденье, крепко, аж ногти побелели, сжимая в руках автомат, сидел Игорь Горелов, тот самый, с кем каких-то полчаса назад мы пили чай и кто двадцать минут назад проехал мимо меня на своей зеленой «Газели». Так вот куда он так спешил!

Лицо Игоря было бледно, губы растянуты в странную, обнажающую зубы улыбку, более похожую на звериный оскал. Его довольно бессмысленный взгляд широко раскрытых глаз встретился с моим, и оскал стал еще шире. Мне казалось, мы бесконечно долго смотрели в глаза друг другу, пока шикарный черный лимузин медленно проезжал мимо открытых настежь дверей трамвая.

Но вот он скрылся из виду. Дикие, хриплые возгласы. Хлопнула дверь, взревели моторы, заскрипели шины об асфальт. И слышно было, как рев моторов удаляется, возникшая вдруг тишина показалась гробовой.

Лежащие на полу трамвая люди зашевелились, стали подниматься на ноги, осторожно стряхивать с одежды осколки стекла. Затем выбираться из неподвижно стоящего посреди улицы вагона – ни одного целого стекла не осталось в его окнах. Затем послышались возгласы и плач снаружи. И, выбравшись из трамвая, я тоже тихо ахнула: на пыльной, усыпанной битым стеклом дороге, скрючившись, лежало то, что только что было живым человеческим телом. Теперь же оно было больше похоже на бесформенную кучу тряпья. Я, глянув мельком, увидела изодранные и окровавленные серый пиджак с брюками, уткнувшееся в асфальт лицо, черноволосую голову, белую, как лист бумаги, шею, обращенную к небу. И посреди этой шеи чернела запекшейся кровью крохотная дырочка, а на спине, на серой ткани пиджака, – другая. Все это я успела разглядеть, пробираясь в толпе людей по битому стеклу и автоматным гильзам на тротуар. Я заспешила прочь от этого страшного места, стараясь не думать об оставшемся на дороге мертвом теле, одиноко лежащем и никому не нужном посреди моря человеческого равнодушия...

* * *

Вернувшись в телецентр, я не застала там никого из своих. Пустая комната, на подоконнике бутылки минеральной воды, рядом пакетик с урюком – хозяйство Леры Казариновой... Ну да, у них же у всех обеденный перерыв, отдыхают и готовятся к вечернему эфиру. А Костя Шилов вместе со съемочной группой в совхозе «Маяк» – помогает снимать репортаж о наших доблестных полеводах. Даже моего бородавчатого поклонника нигде не видно – впрочем, его-то мне меньше всего и хотелось бы сейчас лицезреть. Вот так всегда – в трудную минуту никого из друзей нет поблизости.

Я без сил плюхнулась в свое кресло за столом, выплеснула в кружку и залпом выпила остатки Лериной минералки – совершенно фантастическая дрянь, но у меня в горле пересохло. Потом стала машинально жевать урюк. Я знала, что Лера взъярится, но в тот момент мне было на все наплевать. Так я просидела до половины пятого, когда начали прибывать наши.

Прибежала, стуча каблучками по паркету, Галина Сергеевна, пропела: «Ну, как дела, Ирочка? Все в порядке?» – и тут же, не дожидаясь ответа, упорхнула, наверное, к шефу. Потом пришел Павлик, ухмыльнулся, увидев пустую бутылку и пакет из-под урюка, но ничего не сказал и отправился готовить студию к эфиру. Потом мне позвонили с проходной, сказали, что меня спрашивают. И, вздохнув, я поднялась с кресла и потащилась вниз встретить Наташу и провести ее в телецентр.

Наташа, едва увидев меня, приветливо улыбнулась, и я невольно пристально взглянула ей в глаза. Она выглядела озабоченной, чуть усталой, но спокойной. Да, не так представляла я себе жену мафиози! Или что, она о бандитской стороне деятельности своего мужа ничего не знает? Это было бы странно: у них такие доверительные отношения... Или она все знает и ничего не имеет против?

Я решила не ломать голову над вопросом, до которого лично мне не было никакого дела, и повела Наташу вверх, в кабинет визажиста. На ходу она стала проговаривать ответы на вопросы с моего листа. Я слушала рассеянно и отвечала односложно. То же продолжалось и в кресле визажиста. Так что Елена Викторовна, пожилая, но очень опрятная дама с мягкими, добрыми руками, заметила мне:

– Вы что-то сегодня молчаливы, Ирочка!

Я не стала с ней спорить.

Эфир прошел нормально, я бы даже сказала – хорошо. Наташа уверенно и спокойно держалась перед телекамерами, отвечала на сыпавшиеся со всех сторон вопросы, выглядела при этом чрезвычайно обаятельной, умной, интеллигентной. А у меня в это время стояла перед глазами точно сфотографированная картина: лежащее на пыльном асфальте мертвое тело с двумя сочащимися кровью дырочками на шее и на спине, – и меня мороз пробирал по коже. Но я человек опытный, не первый год на телевидении, давно уже научилась скрывать свое душевное состояние. Я тоже была на высоте в тот вечер – так мне, во всяком случае, показалось, – опытной уверенной рукой направляла беседу в нужное русло, акцентируя умные вопросы и пресекая глупые или совсем неуместные. Но зато потом, когда все было кончено, почувствовала себя совершенно без сил, как выжатый лимон.

Провожая Наташу в кабинет визажиста – смыть всю эту красоту, чтобы люди на улице нас за выходцев с того света не приняли, – столкнулась в коридоре с Валерием Гурьевым, нашим криминальным репортером. Он стремительно шел, почти бежал по коридору, за ним по пятам следовал какой-то милицейский чин.

– Привет, Иришка! – крикнул он мне уже издали радостно и весело. – Слышала? У завода «Корпус» бандитская разборка, один труп...

Нашел чему радоваться! Однако я не удержалась и глянула на Наташу: та реагировала спокойно, с холодным, не без примеси страха сожалением, именно так, как обычно реагируют на чужое несчастье.

Когда мы обе выходили от визажиста, милицейский чин был как раз в эфире, на множестве стеной установленных телеэкранов в нашей студии мы с Наташей смотрели на его говорящую там милицейскую физиономию...

«УВД области сообщает, – голос у него был глухой, невыразительный, бесстрастный, как почти у всех чиновников нашего города, – что сегодня в четырнадцать часов сорок минут недалеко от проходной завода «Корпус» произошла бандитская разборка, в результате которой погиб один человек. Личность погибшего установлена: это Сучков Дмитрий Геннадьевич, тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, предприниматель, занимавшийся производством продуктов питания».

Мы в один голос ахнули. Снова это имя, сам звук его кольнул меня в самое сердце. Я оглянулась на Наташу и увидела ее смертельно побледневшее от ужаса и скорби лицо – искренней скорби, я готова была поклясться. Широко открыв глаза, она смотрела на телеэкран, где теперь возникла фотография Сучкова, разумеется, еще живого, взятая, очевидно, откуда-то из его документов.

– Димку Сучкова убили, боже мой! – прошептала Наташа в полном смятении.

Я тоже посмотрела на телеэкран, снова почувствовала: совершенно точно, этот Дмитрий Сучков однажды пересекся с моей личной жизнью. Очень ненадолго, но глубоко затронув мое существование. Но где, когда – я, как ни старалась, не могла вспомнить.

Милицейский чин на экране между тем продолжал:

«Руководство УВД области обращается ко всем свидетелям этой разборки с просьбой: прийти в органы внутренних дел и дать свои показания, рассказать все, что вы видели. Поверьте, ваши показания могут оказать неоценимую помощь при раскрытии этого преступления».

Сзади меня кашлянули:

– Ирина Анатольевна!

Вздрагнув, я оглянулась: это был мой бородавчатый поклонник.

– Видите, – сказал он, улыбаясь, и бородавка поползла по его щеке, – ищут свидетелей разборки.

– Ну и что? – не поняла я.

– Да вот, я подумал: зачем вам откладывать визит в милицию на завтра? Следователь, который ведет дело, вон он. – Бородавчатый кивнул в сторону экрана. – Расскажите ему все, что увидели, прямо здесь и прямо сейчас. Ведь вы же были там, в этом трамвае, правда?

Я нервно вздохнула: так, этот тип уже все знает... Впрочем, какое мне до этого дело?

– Да ну, – сказала я, пожимая плечами, – много я там видела! Я там на полу в трамвае лежала, голову боялась поднять...

И вдруг почувствовала, как усталость с невероятной силой навалилась на меня, еще чуть-чуть – и я рухну без сил на пол. Поэтому я повернулась и, не слушая, что там дальше говорил бородавчатый, пошла прочь, оставив его вместе с Наташей стоять посреди коридора. Побежала вниз по лестнице вон из студии, вон из телецентра. Все! На сегодня я была сыта по горло предпринимателями и их конкурентами, бандитскими разборками и милицейскими сообщениями, бородавчатыми поклонниками и замершими от страха и горя женщинами! Пусть катятся ко всем чертям все телепрограммы, телеведущие, все милицейские

расследования и их участники! На сегодня я иду наконец домой – к мужу, которого, между прочим, я уже не видела двенадцать часов. Имею, наконец, я право на личную жизнь или нет?

* * *

Прибежав домой, я рухнула на диван. Тупо уставилась на занавешенное окно, ощутила наконец всем телом долгожданную тишину и покой. Так я пролежала некоторое время, пока Володька не подошел ко мне и не сел рядом на диван.

– Ириша, а ты что, есть не хочешь? – спросил он, озабоченно заглядывая мне в глаза. – Ты выглядишь усталой – что, был очень трудный день?

Я молча кивнула. Есть мне и вправду не хотелось: сырки в обед, Лерин урюк вечером... Дрянь еда, если честно, недостаточно, чтобы дать человеку сил, только аппетит перебить. И потом еще эта разборка... Но чтобы поесть, надо вставать с дивана, а мне так приятно было на нем лежать и ни о чем не думать... Поэтому я взяла мужа за руки, чувствуя, как от этого прикосновения уходит усталость, светлее становится на душе. И мы на некоторое время замерли в молчании, держа друг друга за руки и глядя в глаза один другому.

Из счастливого забытья нас вывел телефонный звонок. Я вздрогнула, приподнялась на диване. Володя, вздохнув, встал и пошел к нему. Я слышала, как он говорит «да», потом, через некоторое время, «хорошо», потом – громче, обращаясь ко мне:

– Это тебя – Валера Гурьев...

Вздохнув, я поднялась с дивана и потащила к телефону.

Голос Гурьева, обычно веселый, живой, звучал теперь серьезно и даже мрачно:

– Ирина, нам необходимо встретиться...

– Я очень устала сегодня...

– Мы к тебе подъедем домой...

– Мы?

– С Наташей Гореловой...

Я удивилась? Ничуть. Напротив, я вдруг поняла, что с самого начала ждала этого звонка, правда, не так скоро – быть может, завтра с утра...

– Жду, – коротко сказала я и положила трубку. – Сейчас Валера Гурьев приедет вместе с одной женщиной, – сказала я Володьке, – будем беседовать... – После чего снова повалилась на диван, еще хоть пять минут полежать до их прихода.

Едва завидев меня, Наташа с рыданиями бросилась мне на шею. Но я застыла неподвижно, точно изваяние, – а как еще я должна была вести себя с женой бандита? Кажется, Наташа почувствовала мою отстраненность, отодвинулась от меня и посмотрела удивленно.

– Присаживайтесь, – сказала я довольно сухо, пригласив гостей все на тот же диван. И мы уселись на него все четверо, Володька с нами за компанию.

Обычно живой, веселый, даже чуточку ехидный, Валера Гурьев теперь смотрел на нас необычно внимательно и серьезно.

– Ее мужа, – сказал он наконец, кивнув на Наташу, – Игоря Горелова, сегодня вечером арестовала милиция по подозрению в убийстве Дмитрия Сучкова.

Я нервно вздохнула. Ничуть не удивилась. Если чему и стоило удивляться, так это неожиданной оперативности нашей милиции: днем – преступление, вечером – преступник уже за решеткой.

Наташа Горелова тихо плакала, то и дело вытирая платочком и без того уже красные, воспаленные от слез глаза. Валера Гурьев смотрел на меня с недоумением, разочарованно, видно, поразившись моему спокойному, равнодушному виду.

– А ты что, правда там была и все видела? – спросил он наконец.

- Да, видела...

Мы замолчали, Наташа продолжала плакать.

- Ну что именно ты видела, - снова заговорил Гурьев, - ты расскажешь завтра адвокату. Завтра в восемь утра ты вместе с Наташей едешь к нему в офис на Советскую...

Подумалось, а на хрена мне это надо? Но вместо этого я спросила:

- А что, он уже в курсе?

Наташа кивнула, сквозь слезы сказав:

- Сергей Маркович уже звонил мне, назначил встречу на завтра. Игорь, наверное, разговаривал с ним сразу после ареста...

После этого опять последовал взрыв отчаяния.

- Володя, - тихо сказала я, - там в шкафу у нас капли Зеленина есть.

Володя отправился за каплями, принес их Наташе, накапал в стакан, налил воды, и та послушно выпила.

- Понимаете, - заговорила Наташа, - я вернулась с передачи, а Игоря дома нет. Я удивилась, куда это он мог уйти на ночь глядя. Потом смотрю, на столе вот эта записка.

Она подала мне смятый, сложенный вчетверо листок бумаги, развернув который я прочла: «Наташа, меня забрали в милицию, Пацевичу я уже звонил, он с тобой свяжется. Что бы про меня ни говорили, не верь; знай, меня подставили. Игорь».

- Это его почерк? - спросила я.

- Конечно. - Наташа удивленно посмотрела на меня. Мы опять замолчали. Потом Наташа заговорила робко и неуверенно: - Я вас хочу попросить об одном...

одолжении... Ведь мы почти все утро сидели вместе, и эта разборка произошла буквально через полчаса после вашего ухода. Так вот: не могли бы вы завтра адвокату, а потом милиции заявить, что во время разборки мы все втроем сидели у нас дома и пили чай?

Так, очень интересно! Если я правильно поняла, от меня просят ни много ни мало, а лжесвидетельствования. А так как обвинение против Игоря очень серьезно – убийство, – то за лжесвидетельство в его пользу можно очень здорово получить по шапке.

– Ничего не выйдет! – сказала я сухо. – Есть человек, который во время этой разборки видел меня в этом трамвае. И этот человек уже всем все разболтал.

– Ах да! – воскликнул Валера. – Твой бородавчатый ухажер! Он сегодня весь вечер, как ты ушла, по студии ходил и всем подряд рассказывал, какая ты мужественная: днем попала в разборку, а вечером ведешь как ни в чем не бывало эфир.

Я пожала плечами.

– Собственно говоря, понятно, почему милиция арестовала Игоря, – сказала я. – Ведь Сучков был его конкурентом. Удивительно другое: что они так быстро на него вышли.

Наташа посмотрела на меня глазами робкой лесной лани:

– Да неужели вы думаете, Игорь был способен на такое?!

– Ну а почему нет? – сказала я, в душе удивляясь собственной жестокости. – Ради денег люди готовы на что угодно. Куда он, собственно, поехал сразу, едва я ушла от вас? Он промчался мимо меня на своей «Газели» и чуть было не сшиб.

Наташа смотрела на меня растерянно, беспомощно. Валера, напротив, оживился.

– А он куда-то ездил? – спросил он Наташу. – Вы знаете, куда?

– Нет, не знаю, – прошептала та едва слышно, опуская глаза. – Он ничего не сказал мне. Кто-то позвонил ему, попросил срочно приехать, и он уехал. А вернулся как раз перед тем, как мне на передачу уходить. Бледный как смерть, лег на диван, лежит, ничего не говорит. Я сразу почувствовала недоброе, но расспрашивать времени не было. Я решила после передачи с ним поговорить. А после передачи вернулась – его нет. И вот эта записка...

У меня сжалось в груди от боли и сострадания, когда я дослушала до конца эту историю, но Валерий воспринял услышанное иначе.

– Но это еще не так плохо, – сказал он почти весело. – Там, куда Игорь поехал, он с кем-то встречался, верно? С кем, для чего – это все адвокат у него завтра спросит и найдет тех, с кем он встречался. И те подтвердят его алиби.

На лицах присутствующих затеплилась надежда, но в моей душе был мрак.

– А если они не подтвердят? – спросила я саркастически. – Или мы их не найдем? Или мы их найдем, а они заявят, что никакого Игоря Горелова не знают? Или Игорь сам откажется их нам назвать? Или те, кого он назовет, и окажутся теми самыми бандитами, которые убили Дмитрия Сучкова?

Все смотрели на меня удивленно, не понимая смысла сказанного мною.

– Подожди, Ирина! – сказал Володя, мой самый главный психолог, лучше всех понимавший меня. – Ты что-то знаешь? Ты что-то видела там во время разборки? Так говори! Говори, что ты видела!

Сегодня у меня был очень тяжелый день. Трагические впечатления, накладываясь одно на другое, тяжким бременем камнем навалились на душу. И только усилием воли – потому что надо – удерживала я себя от срыва. Вообще-то я не истеричка, но в тот момент меня словно прорвало, плечи мои затряслись, в груди что-то заклокотало, горло сдавило комом, а из глаз сами собой брызнули слезы. Я истерически разрыдалась и сквозь рыдания стала выкрикивать, словно выталкивать из сдавленного горла, слова:

– Все я видела!.. Все!.. И как стреляют!.. И как в трамвае стекла сыплются!.. И как люди на полу лежали и боялись подняться. И мертвого Сучкова видела, и вашего Игоря тоже видела, как он с автоматом в руках в машине сидел. А вокруг

него эти ужасные бандиты в черных чулках на голове. Все я видела!..

Володя с Валерием засуетились вокруг меня, стали наливать все те же капли Зеленина, уговаривая меня выпить их. И я выпила – какой только дряни не пила я сегодня! – и зубы мои стучали о край стакана. Потом Володька сел рядом, обнял меня за плечи, взял за руки, и это подействовало удивительно: я почувствовала, что меня теперь трясет все меньше и меньше. И я даже слышала, как задумчиво, будто самому себе под нос, говорит Валера Гурьев:

– Да... Только этого еще не хватало...

Придя в себя, я решила взглянуть на Наташу, оставленную во время моей истерики без внимания. Она сидела неподвижно, точно оцепенев. Лицо ее было белым, словно бумага, а широко раскрытые глаза глядели в пустоту. Губы ее едва слышно что-то шептали, словно заклинание. Я не сразу поняла их смысл:

– Он не мог сделать этого!.. Вы слышите?.. Он не мог...

И мы все трое, казалось, готовы были поверить ей. Я взяла ее за руку – они были холодны как лед – и говорила, что, конечно, не мог Игорь совершить всего этого. А что еще оставалось мне делать перед лицом такого человеческого горя? Потом мы долго молчали, беспомощно глядя друг на друга. И молчание это нарушил Валерий Гурьев, наверное, самый умный из нас.

– Ну что ж, – сказал он авторитетно, – что ты видела там Игоря, еще не доказывает его участия в преступлении. Он мог быть простым свидетелем, как и ты, случайно оказавшимся на месте разборки. Заложником, наконец, в руках бандитов.

– А автомат в руках?

– Да автомат... – Валера потер лоб. – Ну автомат могли просто всунуть ему в руки, предварительно опустошив магазин, конечно.

– Ты думаешь, его все-таки подставили? Кстати, он же сам об этом пишет в своей записке, – заметил Валера. – И не верить ему... знаешь, давай оставим милиции. Не беспокойся, версию о том, что он убил Сучкова, милиция раскрутит

сама, без нашей помощи. Мы-то должны попытаться вытащить его из тюрьмы, а для этого надо заняться расследованием дела.

– Расследованием? – возмутилась я. – Знаешь, последнее время я расследованиями сыта по горло. И от этого бы с радостью отказалась.

– Тем не менее нам придется им заняться, – сказал Валера спокойно. – Нельзя оставлять человека в беде.

– А если он виновен?

– Тише, Ирочка! – Это сказал уже Володя. – Валера прав: надо вытаскивать Игоря из тюрьмы.

– А кроме того, – продолжал Валера, – ты не представляешь, какую тень бросает это происшествие на твою программу!

Нет, я не представляла! И с удивлением смотрела в лицо Валеры Гурьева. Неужели и впрямь бросает?

– Ты только представь, – продолжал он, – статью в какой-нибудь мелкой левой газетке, которых столько расплодилось в последнее время в городе. «В то время как предприниматель-мафиози в кровавых разборках устраняет своих конкурентов, его жена выступает в популярном ток-шоу Ирины Лебедевой». Ну, каково?

Да, сильно, ничего не скажешь. О таком повороте дела я, конечно, не подумала. И теперь у меня дух захватил от страха. Если такая статья и в самом деле появится, не то что мы новый проект – «Журналистские расследования Ирины Лебедевой», – прежнюю мою программу «Женское счастье» и ту закроют, а то и из телевидения вообще выгонят. Все начальство на меня взъярится: думать надо было, кого на передачу приглашать! А что оно само, это начальство в лице Кошелева Евгения Васильевича, Наташу Горелову мне навязало, про это все забудут. И сам Кошелев в первую очередь. А я одна должна буду за всех отдуваться.

– Ты, Ирина, пока особенно не паникуй. – Валера словно прочитал мои мысли. – Пока что я держу ситуацию под контролем, и кто именно сидит в СИЗО как подозреваемый по делу об убийстве Сучкова – в прессу не просочится. Но это до поры до времени. Неделя, максимум две. За это время мы должны раскопать это дело, найти истинного убийцу. Тех, кто Игоря подставил, понимаешь?

Я кивнула. Да, Валера был, безусловно, прав.

– Самое скверное, – продолжал он, – что ты его там действительно видела. И отрицать это не можешь. Понимаешь, как только в милиции про это узнают, можешь считать, что Игорь уже осужден пожизненно. Никакой адвокат его из-за решетки не вытащит.

– Ну а как же они об этом узнают, если я сама им об этом не скажу?

– Ты согласна врать?

– Ну почему врать? – Я пожала плечами. – Скажу – лежала на полу, ничего не видела. Вот если Игоря кто-то еще там видел!.. Понимаешь, он там как на параде мимо этого трамвая на машине с автоматом в руках проехал.

– Да, это скверно, – согласился Валера, – Игоря мог видеть кто угодно. Твой бородавчатый, например.

– Да! Я пришла в ужас. Бородавчатый ведь там был и все видел. Он сам мне все это сказал.

– А разве бородавчатый знает Игоря? – Валера задумчиво потер лоб. – Ирина, вспомни, он тебе говорил что-нибудь об Игоре?

– Нет, – сказала я уверенно. – Он говорил только, что я должна пойти и все рассказать в милиции. Больше ничего.

– А он вообще Игоря знает? – спросил вдруг молчавший до сих пор Володя. – Может быть, он с Игорем незнаком. Тогда нам и бояться нечего.

Втроем мы уставились на Наташу Горелову, до сих пор совершенно безучастную, не вслушивающуюся в наш разговор.

– Наташа, – сказала я, ласково взяв ее за руки, – постарайтесь, пожалуйста, вспомнить, есть ли среди ваших знакомых такой человек... с бородавкой на щеке, ростом под два метра. Неуклюжий, сутулый, как белый медведь.

– Или морж, – добавил Валера ехидно. – Только этот морж одет в пятнистую военную куртку, правда, слава богу, не имеет клыков.

Наташа с сомнением покачала головой.

– Едва ли, – сказала она, – у нас с Игорем знакомые все общие. У нас же один бизнес. Среди наших знакомых нет бородавчатых, в этом я уверена.

– Может быть, все-таки запомнили? – предположил Володя. – Когда-то давно были знакомы, потом раззнакомились, забыли?

Подумав, Наташа опять покачала головой.

– Таковую рожу разве забудешь, – сказал Валера. – Таковую, раз увидев, до старости в кошмарах видеть будешь.

Слабая улыбка появилась на губах Наташи.

– Нет, – сказала она твердо, – нет у нас таких страшных знакомых, как вы говорите.

– Ну вот и отлично, – сказал Валера, – будем считать, что с этой стороны нам опасность не угрожает. Остается только одно – чтобы наша Ира держала язык за зубами.

– А что, прежде я много болтала? – сказала я, немного обидевшись.

– Нет, не много, – согласился Валера, – но ты уверена, что до сих пор не разболтала ничего ни Лере, ни Галине Сергеевне, ни Павлику?

– Я с ними вообще после этого еще не разговаривала! – заявила я. – Была в шоке, а у них своих дел по горло, не до меня.

– Понятно! – Валера удовлетворенно кивнул. – Тогда на завтра план действий будет такой: вы вдвоем отправляетесь к адвокату и откровенно ему все рассказываете. Пусть он поговорит с Игорем. Пусть потом он вам все расскажет, поговорив с ним. Потребуйте с него это. И запомните: адвокат – это единственная наша связь с Игорем, возможность узнать, что там на самом деле произошло. Видите ли, – тут Валера смущенно улыбнулся, – когда речь идет о подследственном, тут даже я бессилён, ничего узнать нельзя. Менты сразу же запираются, едва начнешь их расспрашивать. Смотрят на тебя как египетские сфинксы и молчат. А адвокат по закону имеет право присутствовать на всех допросах, имеет доступ к материалам дела.

Я понимающе кивнула.

– А теперь, господа хорошие, давайте по домам! – С этими словами Валера поднялся с дивана. – Завтра вам с утра к адвокату, и до этого вам надо бы выспаться!

Я глянула на часы и ахнула: шел первый час ночи. Мы и не заметили, как стремительно пролетело время, пока мы все обсуждали.

Глава 2

– И вы на сто процентов уверены, что видели в том лимузине именно Игоря Горелова, а не кого-то похожего на него?

Спросивший это адвокат, член Тарасовской гильдии адвокатов Сергей Маркович Пацевич, пристально смотрел на меня, ожидая ответа.

– Насколько вообще можно быть уверенным в таких случаях. – Я пожала плечами. – Знаете, до сих пор у меня проблем с узнаванием людей не было. И память на лица у меня вполне приличная, и на зрение пока не жалуюсь.

Пацевич кивнул, задумчиво уставился в окно, а я в это время незаметно рассматривала его. Сергей Маркович был молодой еще человек, не старше тридцати пяти, но волосы на его голове уже заметно поредели, обнажив высокий крутой лоб; лицо было бледно, со складками возле носа и у глаз – это изобличало сидячий образ жизни и нелюбовь к свежему воздуху.

Приемная и одновременно рабочий кабинет адвоката, где мы втроем вместе с Наталией Гореловой сейчас сидели, представлял собой казавшееся небольшим и очень тесным помещением, и ощущение этой тесноты увеличивали сплошные, во все стены, от пола до потолка, книжные полки, заставленные книгами – фолиантами с золотым тиснением на корешках, толстыми томами и простыми брошюрами. Я и прежде слышала, что литература по юриспруденции необъятна и вполне сравнима по количеству с художественной литературой, но, когда все это видишь своими глазами, собранным в одной не слишком просторной комнате, невольно становится не по себе: начинает ломить затылок, а в носу и горле появляется противное сипение и першение, будто ты вдохнул веками накопленную на этих фолиантах пыль прямо в легкие.

– Да, это очень важно, – сказал наконец Пацевич, отрывая взгляд от окна и переводя его на меня. – И совершенно меняет дело. И вас, Наталья Павловна, – он требовательно и пристально посмотрел на сидящую рядом со мной в напряженной позе Наташу, – я вынужден буду просить о полной и безоговорочной со мной откровенности. Понимаете? Полной! Мне нужно знать совершенно точно и определенно, участвовал ли Игорь в этой разборке или нет, является ли он организатором этого убийства, или это кто-то другой. Потому что если Игорь Горелов виновен и все это он сам затеял – это один способ защиты. Если же его, как вы утверждаете и как он сам написал в записке, подставили – совсем другой.

Возникла пауза, во время которой Пацевич, очевидно, ожидал ответа Наташи, но та, поникнув головой и молча глядя в пол, будто замерла. Признаться, мысленно ставя себя на ее место, я тоже чувствовала растерянность. Безумно трудно бесконечно утверждать, что муж твой невиновен, хотя все вокруг и, казалось бы, сами факты говорят об обратном. Поневоле начнешь сомневаться!

– Наталья Павловна! – вновь заговорил Пацевич торжественно, словно в зале суда. – Вам известно, куда ваш муж уезжал вчера, в начале третьего часа дня?

Наташа ответила наконец едва слышным, сдавленным голосом:

- Нет, он не сказал мне... - Тихий, нервный вздох.

- Но ведь он куда-то ездил, не так ли?

- Он не мог этого сделать! - заговорила она вдруг с жаром. - Он был слишком добр, понимаете? Он прикармливал всех окрестных бездомных кошек, они за ним бегали стаей... И когда мы дезинсекцию проводили, он всякий раз говорил мне: знаешь, так жалко насекомых губить, нельзя ли как-нибудь прогнать их, так чтобы без смертоубийства...

Адвокат одобрительно, но довольно бесстрастно кивнул.

- Да, да, - сказал он, - такие подробности важны, и на присяжных в суде они производят хорошее впечатление. Однако, как известно, жажда денег делает многих из нас безжалостными зверями. Вы же не станете отрицать, что Сучков был вашим конкурентом! Вы изготовляли один и тот же продукт, но покупатель едва ли различал, где ваши сырки, а где произведенные Сучковым. Отсюда налицо соперничество, борьба за покупателя, за рынки сбыта... Нет, как хотите, а это сильнейший мотив для убийства, от которого трудно откреститься!

- Но мы оба вполне уживались на рынке! - воскликнула Наташа с отчаянием. - Поймите, не было у нас никакой борьбы за покупателя! Наши сырки распродавались практически сразу, не залеживались в холодильниках. Мы даже хотели расширить производство, обсуждали это с Сучковым...

- Обсуждали с Сучковым? - удивленно воскликнул Пацевич, и для меня это тоже оказалось неожиданностью.

- Ну конечно! - робко улыбнулась Наташа. - А вы думали, мы с ним были на ножах?

- Я думал?.. - Адвокат смущенно потер виски. - Я ничего не думал. Пока что я только выясняю обстоятельства дела. Ну, если уж на то пошло, какие у вас были с Сучковым отношения?

- Дружеские. - Наташа снова робко улыбнулась. - Мы постоянно друг друга с праздниками поздравляли и домой друг к другу в гости ходили. Последний раз

даже Новый год вместе встречали: у нас в особняке просторно, можно хоть всю ночь сидеть, никому не помешаем. А у Сучковых за стеной соседи-пенсионеры живут, при малейшем шуме жаловаться начинают – вот они на новогоднюю ночь к нам...

– И тем не менее Горелова видели на разборке, во время которой Сучков был убит. – Пацевич задумчиво снова отвернулся к окну. – Очень интересно!

– Ну конечно! – заговорила я горячо. – Я же вам говорю, что Игоря подставили, – он и сам про это написал! Я лично не могу поверить, что Игорь – бандит. Не похож он на бандита...

– Вы подождите, – сказал Пацевич с досадой. – Эмоции и впечатления давайте оставим в стороне. Меня интересуют только факты. Попробуем-ка еще раз все и сначала. Итак, вы с абсолютной уверенностью утверждаете, что видели в лимузине именно Игоря Горелова, так?

– Да, утверждаю, – сказала я довольно уныло, это признание слишком уж противоречило пафосу моей только что произнесенной речи.

– Так, это понятно, – продолжал Пацевич. – И вы видели, что он стрелял из автомата. Так?

Я озадаченно посмотрела на него.

– Стрелял?.. – переспросила я. – Нет, как он стрелял, я не видела, но автомат он держал в руках, это совершенно точно.

– Так, хорошо, – кивнул Пацевич. – Теперь скажите, лица других участников разборки вы видели? Можете их описать? Может быть, какие-нибудь характерные приметы?

– Лица? – Я задумалась, потом решительно замотала головой. – Так у них на голове у каждого черный чулок был надет, с прорезями для глаз. Ну, вы представляете! Поэтому никаких лиц я не видела.

– Так! – воскликнул Пацевич. – И что же вы об этом молчали? – Потом задумчиво:
– Значит, у всех на головах чулки, только у нашего Игоря лицо без маски:
смотри, кто хочет...

– Вот именно! – согласилась я. – А еще один из бандитов потребовал двери
трамвая открыть, и лимузин проехал мимо нас медленно-медленно, как на
параде, словно чтобы все могли как следует все рассмотреть.

– Будто бы его продемонстрировали вам, свидетелям разборки, – вторил мне
Пацевич. – Нате, мол, смотрите, люди добрые, вот он, преступник! – Адвокат
вздыхнул. – Да, все это выглядит именно так, будто его нарочно подставили...

Снова возникла пауза, во время которой адвокат рассеянно смотрел в окно. – Ну
да ладно! – сказал он, поворачиваясь к нам. – Обо всем этом я еще буду говорить
с самим Игорем. Беседа у меня с ним в девять часов, а в десять – допрос со
следователем уголовного розыска. Надо будет успеть до допроса у следователя
рассказать Игорю обо всем, что мы узнали, а заодно и его самого порасспросить
и предупредить, чтобы не ляпнул следователю чего-нибудь лишнего, иначе ему
крышка... А мы можем сколько угодно долго и жалостливо рассказывать, как он
бездомных кошек подкармливал да какие с убитым отношения были
дружеские... Но эти два факта: во-первых, что Игорь Горелов и Сучков были
конкуренты, а во-вторых, что вы его там видели, – лишат смысла и
доказательной силы все эти трогательные истории в два счета. Как только в
милиции получают протокол ваших показаний, где все это будет прописано
черным по белому, то они и копать больше не будут, и улики собирать бросят,
просто передадут дело в суд – и кончено. Так что тут самое главное, чтобы ни
вы, ни Игорь ничего лишнего не сболтнули. Ну, насчет вас я могу быть спокоен,
верно?

Я кивнула с не совсем чистой совестью. Ну да ладно, мой муж и Валера Гурьев
вполне надежные люди, ни с милицией, ни с бандитами никак не связанные, они
его не выдадут.

– А Игорю я все объясню, – сказал адвокат. – Следователь уверял меня, что сразу
после ареста никаких допросов не было.

– Игоря могли видеть другие пассажиры трамвая, – забеспокоилась я. – И они
могут опознать его.

Но адвокат авторитетно возразил:

– Здесь опасность не столь велика. Практика показывает, что свидетели разборок очень редко опознают лица ее участников, детали помнят плохо, путаются в них. И не только потому, что боятся мести бандитов. Знаете, когда вокруг тебя стреляют, как-то не до точных наблюдений за происходящим. Больше думаешь, как бы в тебя не попали, как бы живым и невредимым выбраться.

– Не перестаю удивляться оперативности милиции, – сказала я. – Они так быстро арестовали Игоря, что невольно возникает мысль: может быть, им кто-то сообщил о нем?

– А вот это очень может быть. – Вид у Пацевича внезапно сделался озабоченным. – Но я все это выясню. По закону мне обязаны предоставлять такого рода информацию. – Пацевич нетерпеливо поглядел на часы.

– На этом все? – спросил он, любезно улыбаясь. – Я боюсь опоздать на свидание с подследственным, с нашим Игорем...

– Нет, не все! – сказала я решительно. – Еще я вспомнила, откуда я знаю Сучкова!..

Это произошло сегодня утром. Проснувшись от звонка, а вернее сказать, писка электронного будильника, я, протянув руку, выключила его, но вставать после такого короткого сна – вчера ведь легла так поздно! – не хотелось до безумия. И я решила: полежу еще пяток минут просто с закрытыми глазами, ничего страшного не случится. Я закрыла глаза, мысли мои поплыли от предстоящего визита к адвокату – заснув, я рискую его пропустить – на предпринимателей, Наташу и Игоря Гореловых, а также их конкурента, убитого вчера Дмитрием Сучкова. И вдруг при этом имени меня словно пронзил электрический ток, и то, что вчера я тщетно пыталась вспомнить весь день, сегодня возникло в моем сознании мгновенно целиком и полностью, будто всегда было там и никуда оттуда не исчезало.

В студенческие мои годы была у меня подруга по имени Анжелка Юрченко. Дружили мы практически с первого курса, на лекциях сидели вместе, и, когда одной из нас надо было прогулять лекцию, так чтобы преподаватель ничего не

узнал, другая на переключке отвечала не только за себя, но и за подругу – старый этот студенческий трюк работал великолепно. Пока мы ходили в девушках, часто бывали вместе в кино, бегали друг к другу в гости... Я первая познакомилась со своим Володькой и отлично видела, что, узнав про это, Анжелка завидовала, злилась. И нашла себе парня где-то на дискотеке, долго не хотела меня с ним знакомить, однако приняла приглашение на нашу с Володькой свадьбу. Тогда-то я впервые и увидела Дмитрия Сучкова. Он оказался среднего роста, с лицом довольно полным и круглым, пухлыми щеками, с возрастом грозившими обрюзгнуть, на макушке его довольно крупной головы, несмотря на молодость, отчетливо проступали залысины. Словом, полная противоположность моему Володьке. Так что, если Анжелка боялась, что я вознамерюсь отбить у нее мужика, это было очень наивно с ее стороны.

Их свадьба последовала вскоре за нашей, и мы, разумеется, тоже были приглашены. Потом пробовали общаться семьями, но из этого ничего не вышло: мой Володька и ее Димка чувствовали друг к другу антипатию и дружить не захотели. Собственно, понятно, почему так получилось: Володька и Димка были не только внешне, но и по характеру, и по положению и воспитанию полнейшей противоположностью. Сучков был бизнесмен и мог, когда хотел, по-настоящему сорить деньгами – так, во всяком случае, Анжелка нас с Володькой уверяла. Володька преподавал в университете, совершенно не представляя, как можно заработать лишнюю копейку сверх положенного преподавательского оклада. Зато мой муж мог говорить о чем угодно так интересно, что слушателям оставалось только сидеть с открытыми ртами, глядя на Володьку во все глаза и позабыв обо всем на свете. Сучков же был весьма косноязычен, говорил то и дело останавливаясь, мучительно подыскивая простейшие слова под откровенно иронические взгляды моего языкастого супруга. Разумеется, они презирали друг друга. И после свадьбы наши встречи с Анжелкой становились все реже, а потом мы и вовсе позабыли друг про друга, захваченные водоворотом дел и новых знакомых...

И вот теперь я узнаю, что Дмитрий Сучков убит. Воображаю, каково теперь Анжелке!

Пацевич вежливо, но безразлично слушал мой рассказ, нервно барабаня пальцами по столу, а когда я закончила, сказал:

– Я полагаю, к делу это отношения не имеет...

– Не имеет? – Признаться, я немного растерялась. – Но это же такой повод пойти к жене Сучкова и расспросить ее о муже!

– А зачем вам это нужно – кого-то расспрашивать о Сучкове? – Голос его звучал иронически и раздраженно одновременно. Адвокат снова взглянул на часы.

– То есть как это зачем? – Я еще больше растерялась. – Если не ошибаюсь, всякое расследование убийства начинается с того, что выясняется, кому это убийство могло быть выгодно и были ли у убитого враги. А кто лучше собственной жены может знать о врагах и вообще о его взаимоотношениях с людьми? Если уж начинать расследование этого убийства, то, разумеется, с беседы с Анжеликой Сучковой.

– Послушайте! – Адвокат устало вздохнул. – Вы бы лучше не лезли в это дело. Расследование! – Он иронически скривил губы. – Да в своем ли вы уме?.. Единственное, что мы достоверно знаем о людях, все это совершивших, – это то, что они – бандиты. Понимаете ли вы это? Они уже убили Дмитрия Сучкова и очень ловко подстроили все так, чтобы за все это ответил Игорь Горелов. Неужели вы думаете, что они побоятся убить вас, едва вы окажетесь у них на пути? Поверьте мне, не побоятся! И никакая популярность вас не спасет!

– И что же теперь – сидеть сложа руки и глядеть, как гибнут люди и попадают в тюрьму невинные?

– Заниматься расследованиями – дело милиции и отчасти мое, как адвоката. Но не ваше! Вам-то какое конкретно до всего этого дело? Или Игорь вам родственник? Или друг?

– Не родственник и не друг, – сказала я хладнокровно, – но это преступление затрагивает меня очень даже конкретно. Наташа Горелова принимала участие в нашей программе. Предполагается, что в программе принимают участие лучшие и достойнейшие люди города. И если выяснится, что муж Наташи связан с криминальным миром и обвинен в убийстве конкурента, позор для всего телевидения будет немалый! А меня, между прочим, могут совершенно конкретно с телевидения уволить. Так что резон копать в этом деле у меня самый прямой. И я буду в нем копать, что бы мне ни говорили! Вас же, Сергей Маркович, я очень прошу о содействии. Мне нужно совершенно точно знать все по этому делу, результаты следственных действий, экспертиз, то, что вам

расскажет Игорь...

– Ну хорошо, хорошо! – Пацевич снова глянул на часы. – Оставьте мне ваш номер телефона, я позвоню вам сразу же, как вернусь из СИЗО. Только поймите – я опаздываю на встречу с ним, с Игорем Гореловым! Мне же отсюда ехать на улицу Кутякова, а там на Чапаева то и дело заторы...

Но я решила не уступать. Позвонит? Знаю я, чего стоит это обещание позвонить.

– Нет, Сергей Маркович, – сказала я твердо, – о таких вещах по телефону не разговаривают. Назначьте мне встречу сразу после возвращения из СИЗО.

– Ну хорошо, хорошо! – Пацевич окончательно сдался. – Приходите ко мне в два часа, в этот кабинет, думаю, к этому времени я вернусь. Расскажите мне, что узнали от Сучковой, а я вам – что узнал от Игоря. А сейчас, ей-богу, некогда! – Он уже надевал свое длиннополое черное пальто, одновременно собирая со стола бумаги в кожаную папку.

Я поняла, что пора уходить. И, бережно взяв за плечи Наташу, во время нашего разговора сидевшую неподвижно и безучастно, повлекла ее за собой, прочь из адвокатской конторы.

* * *

Оказавшись на улице, я с завистью посмотрела вслед Наташе, усаживающейся за руль своей зеленой «Газели»-полуфургона, чтобы ехать домой. Хрупкая женщина, усевшаяся за руль немаленькой машины! Впрочем, все это вздор: чтобы управлять «Газелью», физических сил нужно не больше, чем управлять «Окой», и у обоих Гореловых наверняка равные права пользоваться своей «кормилицей». И за продуктами для своих сырков приходится, наверное, ездить то ему, то ей самой. Так что нечего мне удивляться, глядя, как разъезжает Наташа на своей зеленой «Газели».

А мне, похоже, на роду написан общественный транспорт. Ездить на нем, одновременно узнавая, сколь велика моя популярность и сильна народная любовь. Если честно, не слишком велика и сильна. Мужчины на меня таращат глаза – ну так они всегда на красивую женщину глаза таращат. Изредка

доводится слышать за спиной диалоги: «Она!» – «Да нет, вряд ли...» – «А я тебе говорю, она!» – «Нет, похожа просто. Ты что думаешь, та в автобусе ездит? У нее, наверное, «Мерседес», и не один, не как у нас с тобой!» Слышишь такое и не знаешь, плакать или смеяться.

Сучковы, когда я с ними еще была знакома, жили на Второй Дачной. Есть в нашем городе такой район, где когда-то, до революции, и впрямь располагались дачи. И мимо них проложена была узкоколейка, и по ней ходил паровичок, остановки которого так и назывались: Первая Дачная, Вторая и так далее. Я слышала, называли и Десятую и Одиннадцатую Дачную. Ну, на Одиннадцатой и впрямь оставались дачи, а вот с Первой по Шестую места эти застроены многоэтажными домами, вместо паровичка ходит трамвай и проложен широкий проспект, мчатся по нему среди машин троллейбусы и автобусы, один из которых вез теперь меня.

Мне вдруг подумалось, что за столько прошедших лет Сучковы могли и переехать, сменить место жительства, и на самом-то деле надо бы было Анжелке позвонить перед тем, как ошарашить ее своим визитом. Но номера ее телефона у меня не было, выкинула вместе со старой, исписанной до дыр записной книжкой, в новую переписать не потрудилась. И он мог смениться, этот номер, – за последнее время столько новых АТС введено. Я грустно вздохнула: возможно, я напрасно еду на Вторую Дачную и там никого нет. Боже мой, какая же я дура: не спросила, где живут Сучковы, у Наташи Гореловой! Теперь, если по старому адресу их нет, придется узнавать новый у Наташи, может быть, снова ехать к ней домой на маршрутке с очень счастливым номером тринадцать.

Я решила не думать об этом и смотреть в окно автобуса на проплывавшие мимо дома. Была не была – может, она все еще живет там.

Анжелка, помнится, была довольно симпатичной девчонкой, с круглым, характерно русским лицом, постоянно улыбающаяся, веселая. Волосы всегда собирала в узел на затылке, оставляя, однако, челку, ниспадавшую на лоб, которая весьма романтично прикрывала ее глаза. Я лично терпеть не могу, когда перед глазами что-нибудь этакое болтается, но у Анжелки были иные понятия.

Она была из довольно обеспеченной семьи, родители работали в каком-то НИИ, сейчас я уже не могла вспомнить, в каком. НИИ разные бывают, не везде наши ученые, как говаривала моя деревенская прабабушка, «лапу сосут» – живут на

ничтожную зарплату, едва сводя концы с концами. Есть НИИ, сотрудники которых имеют возможность заниматься бизнесом, живут вполне прилично, и Анжелины родители работали как раз в таком. Однажды они вдвоем куда-то уехали на две недели, оставив своей единственной дочери на пропитание десять тысяч рублей. Была инфляция в самом разгаре, стипендия в нашем университете исчислялась в пару сотен рублей, и десять тысяч в моем представлении были фантастической суммой.

В течение этих двух недель на переключках перед лекциями мне большей частью приходилось отвечать за двоих – за себя и Анжелку. Нет, иногда она в учебном корпусе появлялась, рассказывала о своих похождениях, с кем гуляла и как долго, приносила свое очередное приобретение – какую-нибудь сумочку из псевдокрокодиловой кожи, новый купальник, колготки, юбки – после лекций мы отправлялись к ней домой все это дело подробно рассматривать и примерять. В конце этих двух недель Анжелочка заняла у меня сотню, объяснив, что хлеба не на что купить. А возвращая долг через пару дней после приезда родителей, сказала, что эти две недели, пока предков не было, только и пожила нормально, как ей хотелось. Да, деньгами сорить Анжелка невероятно любила, в этом я не раз убеждалась. И Димка Сучков, тоже сорить деньгами способный, был, пожалуй, самым подходящим мужем для нее.

К дому, где жили Сучковы, стандартной, в восьмидесятые годы построенной девятиэтажке, нужно было подниматься круто в гору. На этих Дачных улицах город упорно и нагло лез на окружающие его высокие и крутые холмы, поросшие лесом, и застройка здесь идет уступами, террасами, на каждой из них по стандартной пяти- или девятиэтажке. В гололед спуск с этих террас становится увлекательным приключением.

Мне вдруг вспомнилось, как один-единственный новогодний праздник, отмечаемый нами вместе, вчетвером, пришелся как раз на очень мягкую зиму: в новогоднюю ночь было два градуса тепла, обледенелые тротуары залиты водой и похожи на сплошной каток. После полуночи, еще раз выпив и поев, отправились мы прогуляться, и нам пришлось спускаться с террас по этой до безумия скользкой дороге. Сколько раз мы падали, то один, то другой, то Володька, то я, то кто-нибудь из Сучковых, то оба сразу, сцепившись для уверенности, скользили все и опрокидывались на мокрый, блестящий в свете новогодней иллюминации лед. И мы смеялись как полоумные, и были безумно счастливы, потому что были молоды и думали, что самое прекрасное в жизни еще впереди, еще только ждет нас. На деле же вышло, что та новогодняя ночь и

оказалась пиком нашей с Сучковыми дружбы, после чего отношения наши стали стремительно охладевать, и, заходя иногда к Анжелке, одна, без Володьки, я замечала высокомерно-холодное отношение с ее стороны ко мне.

Но теперь-то этого не должно быть, раз нет больше Сучкова, ставшего когда-то нашим яблоком раздора! Сейчас Анжелка, как никогда, нуждается в дружеской помощи и поддержке. Я представила, как она сидит одна в пустой квартире рядом с фотографией убитого мужа, и у меня сердце сжалось от тоски и сострадания, так что я невольно прибавила шаг, взбираясь по узкой ржавой стальной лестнице, покрывающей часть подъема на террасу, где был расположен дом Сучковых.

И дом, и подъезд я нашла очень похожими на то, что сохранилось в моей памяти. На табличке у двери подъезда в списке жильцов фамилия Сучковых значилась против номера его квартиры, не была ни вычеркнутой, ни закрашенной, вместо нее не написано было другой. Что ж, значит, они так и жили там, думала я, поднимаясь на третий этаж по голой, обшарпанной бетонной лестнице, мимо безобразно исцарапанных приличными и не совсем надписями на стенах. Глянула направо, на обшарпанную, деревянную дверь, ведущую на общий для всего этажа балкон – когда-то эта дверь была крашеной и застекленной. Аккуратно выглядели только двери квартир, стальные, пуленепробиваемые, украшенные деревянной резьбой и ручкой, сделанной под бронзу. Такой была дверь и Сучковых, которая могла служить неплохой иллюстрацией повышения благосостояния семьи Сучковых.

Я позвонила в нее и очень удивилась тому, что мне открыли сразу же, будто ждали. В возникшей на пороге женщине я с трудом узнала Анжелу. Нет, она не постарела, уж во всяком случае не подурнела, прошедшие годы не сделали ее безобразной, не наложили отпечатка на лицо. Скорее напротив, прежде просто симпатичная девичья мордашка приобрела зрелость, расцвела, стала по-настоящему красивой, как отличаются первые теплые, вот-вот вновь готовые сорваться в непогоду весенние деньки от солнечных и знойных дней середины лета. Вместо прежней челки – новая, фантастическая прическа: всклокоченные, вздыбленные золотистые волосы – помнится, прежде они были русыми. А покрашена-то, господи! Я думала, что только на телевидении перед эфиром мы так ярко малюем щеки румянами, губы – фиолетовой с блеском помадой, глаза красим сине-зеленого, трупного цвета тушью... Оказалось, в реальной жизни так тоже красятся, это, конечно, дело вкуса...

– Ирина? – Анжелка посмотрела на меня очень удивленно и несколько разочарованно, будто открывая дверь, ожидала увидеть кого-то другого. Вместе с тем чувствовалось, что мое лицо, мой вид не был для нее сюрпризом, не возникло проблемы гадать, кто же я такая. «Ах, ну да! – вдруг сообразила я. – Она же смотрит мою программу, и мое лицо ей хорошо знакомо по телеэкрану. Что ж, это еще одно, косвенное свидетельство моей популярности».

– Ну, проходи. – И Анжелка посторонилась, пропуская меня в квартиру.

Мы остановились в прихожей, Анжела закрыла входную дверь и посмотрела мне в глаза пристально и враждебно, будто спрашивая взглядом: «Ну и что тебе здесь надо?» Тут только я заметила, что Анжелка одета не по-домашнему, а как перед выходом на улицу, в шикарную – мне бы такую! – куртку с десятком поблескивающих пуговиц, кнопок, застежек-«молний» на карманах и в полосатые, черно-белые – остро, обрезать можно, – отутюженные брючки.

– Ты куда-то уходишь, да? – спросила я смущенно, чувствуя, что мой визит пришелся явно некстати.

– А-а, нет! – Анжелка небрежно пожала плечами. – Это я так, примеряла. Прходи, поболтаем. Спасибо, что зашла.

Я быстро сбросила туфли, сунула ноги в домашние тапочки, предложенные Анжелкой. Квартира была, несомненно, просторной, и площадь ее, выраженная в квадратных метрах, немалой. Но догадаться об этом можно было лишь с трудом: теснота вокруг была ужасающей. Вся квартира заставлена какими-то шкафами, этажерками, полочками, тумбочками, какими-то идиотскими журнальными столиками, не годными абсолютно ни для чего, кроме как для красоты. На этих полочках, тумбочках, этажерках располагались во множестве какие-то безделушки, статуэтки, сувениры и всякий такой, никому не нужный хлам, один вид которого в магазине вызывал у меня приступ тоски: ну зачем это все нужно! Однако Анжелка была явно из тех, кому этот хлам был нужен, кто его усиленно покупает, затрачивая при этом немалые деньги. Да, я видела, что моя подруга юности ничуть не изменилась за прошедшие годы, швыряя и соря деньгами точно так же, как и прежде.

Мы уселись на диван в большой комнате, той самой, где когда-то устроили новогоднее застолье. И стол был тот же самый, сложенный, он теперь стоял у

стены, а на нем, в черной рамке, знакомая мне большая фотография Сучкова.

- Ты пришла по поводу его гибели? - спросила Анжела, проследив мой взгляд.

Я молча кивнула.

- Ну что ж - очень мило с твоей стороны!

Возникла неловкая пауза, и я не могла отделаться от ощущения, что вся эта сцена фальшива от начала до конца. Глядя на Анжелку, я готова была поклясться, что она собирается куда-то уходить, но не одна, кого-то ждет. Этот костюмчик надела уж точно не для примерки: в нем явно уже не раз выходила на улицу - я отчетливо различила следы уличной пыли и на складках кожи куртки, и на брюках.

- И как ты теперь жить собираешься - без него? - спросила я просто так, лишь бы только что-нибудь спросить.

В ответ Анжела беспечно пожала плечами:

- Да все так же - как и раньше жила. Мир не без добрых людей!

Хм... довольно странная фраза из уст молодой вдовы. Что бы она могла означать?

- Однако ты не выглядишь убитой горем! - заметила я иронически.

- А что мне убиваться? - Анжела усмехнулась краешком губ. - Любить-то его я никогда не любила. И замуж-то вышла главным образом из-за твоего Володьки, из зависти к тебе. Ну, мне сказали - предприниматель. Я думала, кучу денег будет зарабатывать, а он... - Анжелка скривила губы с досадой, посмотрела в сторону. - Ты глянь! - Она обвела комнату взглядом. - Разве так предприниматели живут?

Я подумала, что есть предприниматели, живущие и похуже, но из вежливости не стала возражать Анжелке.

– А куда же он деньги девал? – поинтересовалась я. – Может быть, у него свои тайные траты были?

– Ах, да какие траты? – Она презрительно скривила лицо. – У него их просто не было! Он их не умел зарабатывать, вообще, в глухую, как и твой Лебедев. Только твой красивый, рослый, а мой, сама видишь, лысый коротышка...

Я внутренне содрогнулась: ничего себе, хороша эпитафия супруги после почти семи лет совместной жизни!

Я взглянула на фотографию Дмитрия: полное, круглое, с залысинами лицо смотрело, однако, умно и даже интеллигентно. Я вдруг вспомнила, как тогда, семь лет назад, смотрел он на свою жену – по-собачьи преданным, готовым на все взглядом. И вот теперь – такие ее слова!

– Однако, – сказала я осторожно, – ради тебя он мог бы постараться и побольше зарабатывать!

– Да ну. – Анжела презрительно махнула рукой. – Он был размазня, говорю тебе! Ни в жизни, ни в бизнесе ничего не смыслил, за себя постоять не умел, кто угодно мог его облапошить!

Я едва не поперхнулась.

– А в любви как он мне надоел, боже мой! – продолжала Анжелка все увлеченнее. – Представляешь, подойдет ко мне, сядет на диван, когда я лежу, отдыхаю, смотрит на меня пристально, в упор, глаз не сводит – это так неприятно! А то брался мне руки гладить и целовать – чего он в них нашел, не знаю! Я когда терпела, а когда не могла больше, отталкивала прочь, один раз так ему губу до крови расшибла!

Анжелка рассмеялась, а я смотрела на нее во все глаза, не зная, что и подумать!

– А в обществе, ну, когда солидные, обеспеченные люди собираются, он всегда таким дураком выглядел. Возьмется рассказывать анекдоты... Нормальный вроде бы анекдот – я ему массу их подбирала для таких случаев, – но он раз десять запнется, что-нибудь напутает, и в конце концов никому и не смешно. Ну

да это ты сама знаешь, видела, помнишь, наверное.

Я помнила. Только не дело это вспоминать теперь, когда человека больше нет в живых.

- Однако ты не очень чтешь заветы древних римлян, - заметила я.

- Чего? - Анжела посмотрела на меня несколько ошарашенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleshina_svetlana/sladkie-razborki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)